

И. И. Ягодинский

**Неизданное сочинение
Лейбница «Исповедь
философа»**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
И11

И11 **И. И. Ягодинский**
Неизданное сочинение Лейбница «Исповедь философа» / И. И. Ягодинский –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 112 с.

ISBN 978-5-458-54302-6

ISBN 978-5-458-54302-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лейбница и небольшой отрывок діалога по-французски. Подробнымъ образомъ содержаніе діалога Фуше де Корейль не передаетъ. Оно сводится къ слѣдующему.

Наставникъ-теологъ и слушатель-философъ только-что закончили разговоръ о безсмертіи души и необходимости правителя въ мірѣ. Они должны теперь говорить о справедливости Бога, и слушатель-философъ старается доказать ея существованіе изъ понятій любви, радости и гармоніи, а также изъ положеній, что справедливый любитъ всѣхъ и что всякое счастье состоитъ въ умѣ, сосредоточившемъ въ себѣ всеобщую гармонію, то есть Бога. Но если Богъ справедливъ, то какъ же утверждаютъ, что одни избраны Богомъ, а другіе—нѣтъ?

Множество понятій, связанныхъ съ указаннымъ вопросомъ, получаютъ свое объясненіе въ теоремѣ, что Богъ есть послѣднее основаніе вещей. Все совершается по закону достаточнаго основанія. Развѣ кто нибудь не согласится съ этимъ? Въ качествѣ примѣра можно привести фактъ осужденія Іуды. Іуда осужденъ за отвращеніе отъ Бога. Но отвращеніе есть мнѣніе, а мнѣніе зависитъ отъ темперамента и обстоятельствъ. Значитъ, ложное мнѣніе Іуды можетъ быть объяснено изъ его ума въ цѣломъ, а послѣдній зависитъ отъ Бога. Значитъ, осужденіе Іуды—отъ Бога. Но тутъ является затрудненіе. Если Богъ есть послѣднее основаніе вещей, то ясно, что по закону достаточнаго основанія Онъ является также причиною грѣха. Трудность можно разрѣшить такъ, что грѣхи обязаны своимъ существованіемъ только разуму Бога, а не Его волѣ. Грѣхи возможны при данныхъ условіяхъ всеобщей гармоніи вещей, а рядъ вещей въ цѣломъ не можетъ измѣниться, такъ какъ тогда должно было бы измѣниться его общее основаніе, то есть Богъ. Но въ такомъ случаѣ, разуму Бога, то есть гармоніи вещей, нужно, можетъ быть, приписать какъ всѣ блага въ мірѣ, такъ и необходимость грѣховъ? Что касается грѣховъ, то въ нихъ нѣтъ необходимости. Богъ ихъ не хочетъ, но допускаетъ какъ что-то смутное въ общемъ цѣломъ, ясно представляющемся въ качествѣ блага. Отсюда необходимость грѣховъ является чѣмъ то вѣжущимся; вѣра въ эту необходимость обусловливается неясностью терминовъ. Анализъ главныхъ понятій возможнаго, случайнаго и необходимаго можетъ вывести изъ заблужденія. Такъ, на примѣръ, нельзя утверждать, что изъ необходимаго по себѣ, то есть Бога, всегда слѣдуетъ только

необходимое по себѣ. Изъ общихъ предложеній въ логикѣ слѣдуетъ частное; подобнымъ же образомъ изъ необходимаго по себѣ можетъ слѣдовать случайное, то есть необходимое по мнѣнію другого. Гармонія вещей есть нѣчто по себѣ случайное и необходима только гипотетически. Въ обычной рѣчи о ней этотъ отгѣвъ условности опускается. Вотъ почему думаютъ, что грѣхи необходимы, тогда какъ они только слѣдуютъ за необходимостью, то есть за существованіемъ Бога. Все это приводитъ къ вопросу объ отношеніи необходимости къ свободѣ воли, при чемъ этотъ вопросъ долженъ быть рѣшаемъ въ томъ смыслѣ, что такъ называемый „лѣнивый софизмъ“ фаталистовъ слѣдуетъ отвергнуть.

Итакъ, Богъ допускаетъ грѣхи. Это по существу значитъ, что Онъ заразъ хочетъ ихъ и не хочетъ. Если пріятна гармонія, то не все пріятно, что относится къ гармоніи. Грѣхи — это диссонансы, пропадающіе въ общей гармоніи. Хотѣтъ вслѣдствіе грѣха можетъ только человѣкъ или дьяволъ. Отсюда понятно, что смертно грѣшитъ тотъ, кто знаетъ, что его дѣйствія направлены противъ общаго блага. Между тѣмъ можно сказать, что мы по природѣ хотимъ только блага — утвержденіе, которое ведетъ къ отрицанію воли, дѣйствующей безъ достаточнаго основанія. Думать иначе — значило бы нарушать всѣ моральные принципы. Разумъ есть истинный корень свободы, и съ такой точки зрѣнія всякій грѣхъ — дѣло ошибки: иногда люди видя не видятъ, слыша не слышатъ. Въ этомъ ихъ свобода и въ этомъ же заложено начало отвергнутой благодати, такъ какъ злые несчастны потому, что послѣдняя основа воли развивается въ силу всеобщей гармоніи, т. е. Бога.

Но тогда не будетъ ли справедливой жалоба осужденныхъ на обстоятельства, на людей и случайности? Развѣ можно, помогая однимъ, осуждать другихъ? Дѣло однако въ томъ, что хотя несчастные выбраны по жребію въ силу всеобщей гармоніи, ихъ поведеніе опредѣляется ихъ волей. Надъ ними никогда не было произнесено осужденія, но они должны быть осуждены за ихъ поступки. Въ этомъ лежитъ причина, почему они не могутъ жаловаться на свое несчастіе. Раньше уже говорилось, что несчастные бываютъ осуждены за отвращеніе отъ Бога въ моментъ смерти. Такое отвращеніе послѣ смерти постепенно увеличиваетъ страданіе умершаго. Но откуда про-

исходитъ эта разниѣа въ отношеніи къ Богу? Почему одни любятъ Его, а другіе нѣтъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ недостаточно философіи, нужно откровеніе... Въ мірѣ, какъ и въ государствѣ, есть два рода людей: одни довольные, другіе недовольные настоящимъ положеніемъ вещей. Довольны тѣ, кто спокоенъ. Если спокойный человѣкъ обманется, то онъ утѣшится мыслью о всеобщей гармоніи. Намъ нельзя думать, чтобы міръ былъ устроенъ лучше, чѣмъ онъ есть: это значило бы ненавидѣть Бога. А кто любитъ Бога, тотъ доволенъ прошлымъ, ибо знаетъ, что оно предрѣшено Богомъ. Но о будущемъ для насъ нѣтъ предрѣшеній. Поэтому надо поступать какъ можно лучше. Поэтому нѣтъ осужденныхъ этъ вѣка, но есть осужденные по поступкамъ.

Такое положеніе вещей подтверждается разсказомъ объ одномъ пустыинникѣ, который хотѣлъ примирить дьявола съ Богомъ и который изъ поведенія дьявола убѣдился, что по самому направленію воли послѣдняго, не смотря на все Божіе снисхожденіе, это не возможно. Разсказъ выясняетъ ту мысль, что осужденнымъ не на что жаловаться.

И вотъ возникаютъ только два вопроса: во первыхъ, почему данъ именно такой порядокъ вещей, что существуютъ грѣхъ и осужденіе, а во вторыхъ, почему бываетъ осужденъ предпочтительнѣе тотъ человѣкъ, чѣмъ этотъ. На первый вопросъ а priori нельзя отвѣтить, а posteriori же дѣло объясняется тѣмъ, что первопричина есть умъ, цѣлью котораго является всеобщая гармонія, которая не можетъ существовать безъ диссонансовъ. Что же касается второго вопроса, то отвѣтъ на него лежитъ въ понятіи принципа индивидуальности. Индивидуальность, въ которой сводится всякое опредѣленіе, обуславливается мѣстомъ и временемъ. Въ силу послѣднихъ отличается одна душа отъ другой. Спрашивать, почему та или другая душа такова, значить поднимать вопросъ объ общемъ порядкѣ цѣлаго міра.

Въ концѣ трактата выражается мысль, что высказанныя въ немъ убѣжденія не заключаютъ въ себѣ никакой ереси и что многое еще можно было бы сказать объ откровеніи, а затѣмъ о внѣобычномъ содѣйствіи Бога и о согласіи вѣры съ разумомъ.

Послѣднее обстоятельство намекаетъ на то, что „Исповѣдь философа“ является опредѣленнымъ звеномъ въ цѣпи другихъ

работъ Лейбница. Такъ оно и есть. Въ Королевской библиотекѣ въ Ганноверѣ я видѣлъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Dialogus inter Theologum et Misosophum* (ЛН. I. Vol. III. 2.), въ которомъ Лейбницъ старается показать, что согласованіе вѣры съ разумомъ не избѣжно и что „*dati principia communia rebus divinis et humanis*“. Сочиненіе любопытно во многихъ отношеніяхъ, но ближайшее его изученіе, какъ и изученіе „Исповѣди философа“, составляетъ совершенно особую задачу. На этомъ основаніи, въ данный моментъ я мимоходомъ укажу только на связь издаваемого трактата съ предыдущими работами Лейбница.

Начало „Исповѣди философа“ по своему содержанію, и даже по выраженіямъ, тѣсно примыкаетъ къ письму, которое было послано Лейбницемъ Антуану Арно въ ноябрѣ 1671 г. ¹⁾, а затѣмъ къ наброску, опубликованному Тренделенбургомъ. ²⁾ Что касается основной темѣ, то „Исповѣдь философа“ является развитіемъ и углубленіемъ идей нѣмецкаго отрывка, напечатаннаго Штейномъ ³⁾. По отношенію къ утерянной части діалога, трактовавшей о безсмертіи души и необходимости правителя въ мірѣ, нужно замѣтить, что по содержанію въ предшествующихъ трудахъ Лейбница съ ней, повидимому, соприсвадается „Разсужденіе о пользѣ и необходимости доказательства о безсмертіи души“ ⁴⁾.

Идеи Лейбница развивались постепенно. Черезъ два-три года послѣ работы надъ „Исповѣдью философа“ выраженные въ ней мысли пріобрѣли, какъ это видно изъ философскихъ концепцій Лейбница 1675—76 г. г., совершенно особый отбѣнокъ: онѣ приняли характеръ широкой системы, охватившей не только метафизику и этику, но и физику, то есть философію природы, чѣмъ Лейбницъ не переставалъ заниматься съ юныхъ лѣтъ. Для генетическаго изученія идей Лейбница „Исповѣдь философа“ имѣетъ поэтому громадное значеніе такъ же, какъ и для правильнаго пониманія его системы вообще.

¹⁾ Смтр. стр. 319 моей книги «Философія Лейбница. Процессъ образованія системы». Казань. 1914 г.

²⁾ Ib. 324 и слѣд.

³⁾ Ib. 334 и слѣд.

⁴⁾ Ib. 278 и слѣд.

Что касается внешней стороны дела, то „Исповѣдь философа“ представляет хранящийся въ Королевской библиотекѣ въ Ганноверѣ рукопись in folio подъ заглавіемъ *Confessio philosophi*. Это основной, полный списокъ съ поправками и замѣтками, сдѣланными на поляхъ и въ текстѣ частью рукою Лейбница, частью чьей то другой рукою, по всей вѣроятности Антуана Арно. Этотъ списокъ въ примѣчаніяхъ къ тексту настоящаго изданія называется рукописью А. Другой списокъ, называющійся въ примѣчаніяхъ рукописью В и имѣющій заглавіе *Fragmentum colloquii inter Theophilum et Epistemonem* etc., повторяетъ конецъ перваго. Онъ также имѣетъ поправки и замѣтки, но уже сдѣланныя рукою одного только Лейбница. Въ каталогѣ Бодеманна рукописи по полулистамъ помѣчены такъ, что В приходится ранѣе А, и потому счетъ полулистовъ рукописи А идетъ съ 6 по 21, а рукописи В съ перваго по пятый.

Замѣтки на поляхъ имѣютъ самостоятельный интересъ. Они выражаютъ, во первыхъ, недоумѣнія и сомнѣнія лица, которому рукопись А была дана для прочтенія, а во вторыхъ, въ два слоя, возраженія Лейбница. Общій ходъ замѣтокъ и возраженій такъ же, какъ и поправокъ въ текстѣ даютъ возможность предполагать, что рукопись А по выходѣ изъ рукъ переписчика была читана Лейбницемъ три раза: одинъ разъ тогда, когда онъ только слегка поправлялъ текстъ, желая отдать его для чтенія; другой разъ тогда, когда, получивъ рукопись обратно, онъ писалъ первый рядъ возраженій къ замѣткамъ читавшаго (возраженія отмѣчены у Лейбница знакомъ Rs); третій разъ тогда, когда онъ вновь рецензировалъ діалогъ и замѣтки, приводя новый рядъ возраженій (отмѣченныхъ знакомъ RRs) и дѣлая большія пояснительныя вставки въ текстъ. По сходству почерка и начертаній въ послѣднихъ возраженіяхъ съ тѣми начертаніями, которыя имѣютъ мѣсто въ вариантѣ письма Лейбница къ Ольденбургу отъ 28 декабря 1675 г., находящемся въ концѣ verso перваго изъ опубликованныхъ мною набросковъ Лейбница ¹⁾, можно думать, что второй рядъ возраженій на замѣтки къ „Исповѣди

¹⁾ Ив. Нв. Ягодинскій. Сочиненія Лейбница. Элементы сокровенной философіи о совокупности вещей. Казань. 1913 г. Стр. 2—12.

философа“ сдѣланъ Лейбницемъ въ концѣ 1675 года. Тройное чтеніе діалога подтверждается повидимому, также тѣмъ обстоятельствомъ, что отдѣльныя части его имѣютъ три заглавія: два въ рукописи А и одно въ рукописи В, на что ниже указано въ своемъ мѣстѣ. Очень можетъ быть, что во время двухъ послѣднихъ чтеній Лейбницу вновь приходила мысль сообщить по частямъ свое признаніе въ передѣланномъ видѣ для соответствующихъ отзывовъ въ родѣ того, который сохранила намъ на своихъ поляхъ рукопись А.

Въ настоящемъ изданіи рукописи А и В составляютъ единое цѣлое. Какъ показываетъ ближайшее знакомство съ текстомъ, В есть списокъ съ А, и такимъ образомъ, кромѣ одной замѣтки Лейбница, въ В нѣтъ ничего существенно новаго. Двойной счетъ полулистовъ въ концѣ текста отмѣченъ мною, соответственно обѣимъ рукописямъ, на поляхъ, съ указаніями recto и verso. Наиболее интересные варианты, какъ и замѣтки съ возраженіями на нихъ, даны въ примѣчаніяхъ къ тексту. En regard къ нему сдѣланъ переводъ. По отношенію къ условнымъ знакамъ нужно замѣтить слѣдующее: курсивъ въ латинскомъ текстѣ соответствуетъ тому, что подчеркнуто въ рукописи; угловатая скобка заключаютъ поправки и вставки, вертикальныя черты означаютъ окончаніе страницъ рукописи; знаки вопроса отмѣчаютъ плохо разборчивыя мѣста. Я печатаю текстъ по фотографическимъ снимкамъ съ рукописей, которыя читалъ въ Ганноверѣ, но нѣкоторая неисправность снимковъ, при невозможности достать лучшіе, повела къ тому, что въ двухъ или трехъ фразахъ я не рѣшился фиксировать текстъ категорически. Въ концѣ книги я приложилъ для образца снимокъ съ первой страницы главной рукописи. Изъ этого снимка легко усмотрѣть, какой характеръ имѣетъ пунктуациа подлинника.

Такъ какъ въ настоящемъ изданіи я держался вообще тѣхъ же принциповъ, какъ и при изданіи набросковъ Лейбница *Elementa philosophiae arcanae de summa rerum* и такъ какъ послѣднее вызвало нѣсколько критическихъ замѣчаній со стороны французскаго ученаго А. Риво ¹⁾, одного изъ

¹⁾ *Revue de Métaphysique et de Morale*. Janvier 1914. P. r. 95—120. Другой извѣстный мнѣ иностранный отзывъ появился въ *Archiv für Geschichte der Philosophie*. Bd. 27. H. 3.

главныхъ работниковъ по составленію будущаго интеракадемическаго изданія сочиненій Лейбница, то въ защиту своихъ пріемовъ я позволю себѣ привести здѣсь въ русскомъ переводѣ выдержки изъ моего письма г. Риво, которое было послано ему тотчасъ же по прочтеніи его рецензіи и которое въ значительной части касалось именно самыхъ текстовъ Лейбница.

Милостивый Государь!

Простите меня, что я снова тревожу Васъ своимъ письмомъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ написали изъ Франціи, гдѣ именно помѣщена Ваша статья о моей книгѣ, такъ что я, наконецъ, прочелъ эту статью...

Нечего и говорить, что я Вамъ чрезвычайно за нее благодаренъ. Чувство живѣйшей признательности и нравственнаго удовлетворенія трепетало во мнѣ въ продолженіи всего чтенія. Я и теперь, изъ моего далека, позволяю себѣ мысленно протянуть Вамъ руку для выраженія порыва, который является отвѣтомъ на Ваши рекомендаціи моей работѣ.

Я вполне согласенъ, что мое изданіе по отношенію къ будущему Академическому есть только *édition provisoire*. Я также вполне признаю, что Вы лучше меня читаете тексты Лейбница. Однако тѣ критическія замѣчанія, которыя я нашелъ въ Вашей статьѣ, заставляютъ меня сказать Вамъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Прежде всего я въ своемъ введеніи не хотѣлъ давать никакихъ ученыхъ комментариевъ: ученые комментаріи и анализъ отнесень мною къ дальнѣйшему, и на это есть намекъ на стр. XVI моей книги, гдѣ сказано, что „этой сторонѣ дѣла отчасти посвящена специальная моя работа по вопросу объ образованіи системы Лейбница“. Кромѣ того, я оговорился, что издаю тексты Лейбница, поскольку могъ ихъ разобрать, не дѣлая „измѣненій“ ни по отношенію къ проблемѣ, ни по отношенію къ ошибкамъ въ латвискомъ языкѣ. Это все Вы упустили изъ виду—точно такъ же, какъ и то, что мною показано (стр. 32, 58, 128)—какъ и куда я относилъ разныя приписки Лейбница, такъ что вообще про меня нельзя сказать: „Il lui arrive de

souder ensemble plusieurs pièces distinctes écrites sur la même feuille“ р. 95).

Что касается частных Вашихъ замѣчаній и исправленія моего текста, то, по ходу Вашей статьи, вотъ мои возраженія на основаніи фотографическихъ снимковъ.

Р. 95 ¹⁾. Я признаю, что potavi лучше и вѣрнѣ rotavi, но Вы пишете *inter [se] omis*. Въ подлинникѣ нѣтъ *se*. Можно подумать, что я пропустилъ его, но я только не рѣшился на конъектуру. Вамъ лучше бы выразиться яснѣе, тѣмъ болѣе, что Вы пишете далѣе: „Je citerai le texte de M. Jagodinsky, en le corrigeant, s'il y a lieu, d'après les manuscrits“. Точно такъ же я оставилъ въ своемъ текстѣ *processim* потому, что такъ совершенно ясно написано у Лейбница. Въ примѣчаніяхъ я поставилъ вопросъ: *processum*? Вы желаете *processim*, я ничего не имѣю. Также *fiat* вмѣсто *fiant*. На Ваше замѣчаніе, что я не различалъ отдѣльныхъ рѣсесъ текста, я уже отвѣтилъ. Здѣсь же прибавлю, что по разницѣ въ содержаніи ихъ легко замѣтитъ всякій читатель.

Р. 97. Вы пишете: *Et omnia extitura [et non extrema, comme l'imprime M. Jagodinsky]*. Съ этимъ я не могу согласиться, ибо второй буквы *t* нѣтъ въ этомъ словѣ у Лейбница, и ея видимость является отъ того, что очень крупно написана буква *t* въ словѣ *existet* строчкой ниже. Эта буква извнѣ заходитъ въ начертаніе слова *extrema*. Съ тѣмъ, что у Лейбница послѣ словъ *pop existendum* стоитъ точка вмѣсто моей запятой, я согласенъ, но думаю, что это не мѣняетъ дѣла и ближе къ современной пунктуаціи.

Р. 98. Вы читаете: *implicant enim. Perfectissimum Ens...* У Лейбница я не замѣчаю точки. Слово *perfectissimum* написано съ маленькой буквы. Я понималъ дѣло такъ, что сначала въ текстѣ говорится о человѣкѣ, а потомъ о Богѣ. Отчего и сказано сначала *Quale est Ens* сарах etc. и далѣе *Unde Deus necessario* etc. Начертаніе *Ens* съ большой буквы употребляется Лейбницемъ независимо отъ *Ens=Deus*. Съ Вашимъ чтеніемъ *omnisciens* я не могу согласиться: у Лейбница

¹⁾ Мой текстъ г. Рибо помѣстилъ въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ, и такимъ образомъ приведенныя указанія на страницы имѣютъ въ виду сноски статьи.

очень ясно написано *omniscium*, какъ у меня. Далѣе вы пишете *egum*, *Ipsam*. У Лейбница совершенно ясно стоитъ точка, какъ у меня: *egum*. *Ipsam*, что впрочемъ не существенно. Однако я согласенъ, что лучше поставить двоеточіе послѣ слова *refutat*, тогда какъ у Лейбница стоитъ запятая.

Р. 99. Вы читаете *tum motum*. Я полагаю, что вѣрнѣе, какъ у меня, *tunc*. Лейбницъ часто писалъ „с“ такъ, какъ здѣсь. Ваше чтеніе *datur vacuum* и *sum pleno physico* совсѣмъ не соответствуетъ тексту. *Detur* написано ясно и *sum* никакого нѣтъ. Это Ваша добавка.

Р. 100. Вы читаете *continuus quia tunc*. Я согласенъ съ этимъ. Я недосмотрѣлъ, что въ рукописи есть полустертая точка и прочиталъ *qua*. Я также согласенъ, что послѣ *disgregatis* слѣдуетъ поставить запятую, какъ у Лейбница, но послѣ *tum* у Лейбница есть запятая, которой нѣтъ у Васъ. Далѣе, послѣ *pellatur* у Лейбница стоитъ запятая, Вы ставите двоеточіе, я—точку съ запятой: мало разницы! Напротивъ, послѣ *generalem* у Лейбница стоитъ запятая, какъ у меня, а Вы ставите точку. Это излишне. Но, главное, конецъ фразы у Лейбница совершенно тотъ же, что у меня: *utrique imò omnibus aequè assistentem*. Я не согласенъ съ Вашимъ чтеніемъ *ubique una*, и кромѣ того Вы пропускаете слово *aequè*. Затѣмъ послѣ слова *colliduntur* у Лейбница есть запятая, какъ у меня, а у Васъ нѣтъ.

Р. 101. Я согласенъ, что у Лейбница нѣтъ запятыхъ послѣ словъ *celeritate* и *spatio*. Я поставилъ ихъ для ясности. По той же причинѣ я поставилъ запятая послѣ *punctum* и *motum*, хотя ихъ нѣтъ у Лейбница. Вы ставите запятую послѣ *punctum* и не ставите послѣ *motum*. Далѣе, у Лейбница вся фраза не имѣетъ запятыхъ, мы оба ихъ ставимъ. Не руководствуемся ли мы оба современными привычками? Послѣ слова *latere* у Васъ многоточіе. Можно думать, что тутъ пропускъ текста, тогда какъ у Лейбница просто стоитъ запятая, какъ у меня, и пропуска нѣтъ. Я согласенъ однако, что послѣ слова *transire* у Лейбница нѣтъ запятой, которую я поставилъ для ясности.

Р. 102. У меня вѣрно напечатано *impossibile esse*. Вы ошибочно читаете *est* вмѣсто *esse*.

Р. 103. Я согласенъ, что послѣ *commensurabilem* у Лейбница нѣтъ запятой. Но это не важно. Далѣе, у Васъ

почему то стоит *hormoniae* вмѣсто *harmoniae*; вѣроятно, опечатка. Затѣмъ послѣ *parvum* у Лейбница нѣтъ запятой, какъ и у меня. Нѣтъ ее и послѣ слова *semper*. Вы ихъ ставите. Я ничего не имѣю противъ, но Вы пишете далѣе *fi-gantur*, а я ставлю объ этомъ *fi-gantur* въ примѣчаніи въпросъ, потому что у Лейбница ясно стоитъ *fi-gatur* и никакихъ знаковъ сокращенія нѣтъ. Я думаю, что Лейбницъ просто описался.

Р. 105. Въ подлинникѣ ясно стоитъ *Circulus*, у Васъ *circulum*—вѣроятно, опечатка.

Р. 106. Вы читаете *longitudo laterum et manet*. Это Ваша поправка: У Лейбница ясно стоитъ, какъ у меня: *laterum longitudo, et manet*. Но у Лейбница нѣтъ послѣ *manet* запятой, которую мы оба поставили.

Р. 107. Послѣ слова *posse* у Лейбница, какъ и у меня, есть запятая. Вы ее пропускаете.

Р. 108. Соглашаюсь, что у Лейбница нѣтъ запятой послѣ слова *sentire*. Соглашаюсь также, что чтеніе *intrin-sesa* вѣрно. Мнѣ казалось, что тутъ слишкомъ ясно стоитъ у Лейбница „о“, а не „а“, почему я и выразилъ въ примѣчаніи, правда, не очень ясно, сомнѣніе въ чтеніи самаго слова въпросомъ: *intrinsecus*? Но я совсѣмъ не понимаю, почему Вы переставляете слова и пишете *quadam differre*, тогда какъ у Лейбница стоитъ *differre quadam*, что легко провѣрить по приложенной къ книгѣ диньографіи. Далѣе слово *praecedentium* у Васъ, вѣроятно, опечатка. У Лейбница стоитъ, какъ у меня: *praecedentium*. Точно также у меня совершенно вѣрно напечатано *corporis*? и *potest, quia*. Вы пренебрегаете знакомъ вопроса и читаете *quod* вмѣсто *quia*. Это—ошибки.

Р. 109. Вы читаете *unum rationi*, я напечаталъ *uno rationi*. Теперь, посмотрѣвъ фотографическіе снимки, я нахожу, что не правы ни Вы, ни я. Надо читать: „*imò rationi*, ибо надъ „і“ есть точка; начертаніе *mò* Вы принимаете за слогъ *um*, написанный сокращенно. Такія сокращенія Лейбницъ допускалъ часто, но здѣсь именно есть точка такъ же, какъ и на стр. 100, гдѣ Вы читали *ubique* и *una* вмѣсто *utrique imò*. Начертаніе слова въ обоихъ мѣстахъ совершенно одинаково: тамъ и тутъ стоятъ точки надъ *i*.